

салтана против знаменующего торжество православия таинственного видения; несколько раньше упоминается, что «в то де время стоял на карауле у Софейской церкви, у дверей, сторожь... обусурманился русской человек... пашу в ту церковь не пустил».

Цареградская легенда, рассказанная здесь лицом вполне реальным, излагается по определенному канону, роднящему ее с Отпиской Степана Тарбеева: сначала является видение на месте бывшей православной церкви (Софийского собора); потом турецкий салтан приказывает кинуть в море человека «во светителских одеждах» (икону); когда он (икона) является вновь, салтан распоряжается «полату заделать» и т. д. Проникновение подобных легенд-чудес в древнерусские хождения и в посольские документы одинаково типично.

В Челобитной Василия Полозова аналогичную роль играет упоминавшееся выше чудо о сходящем в великую субботу огне, который патриарховой «брады не палит»; кроме того, во второй редакции немало легендарных известий о людях «ростом толко един локоть», живущих «близ блаженного рая», о змиях-василисках, о «дивных людях», внешность которых описывается так: «головы остры, глаза в грудях, носы под горлом, брады в затылках, уши над плечми»; наконец, о рождении бурмицкого жемчуга — от «червя златой кожи» и т. п.

Но как не всякое вполне реальное путешествие получало полноценное литературное воплощение, так и не всякое литературно оформленное описание пути имело, оказывается, реальную основу. К последнему типу, как известно, относится Хождение Трифона Коробейникова; оно представляет собой литературную переделку ряда памятников, в том числе путешествия Василия Познякова, со всеми его компонентами, включая и легендарные и чисто информационные сведения (наиболее приближающие жанр хождений к деловой письменности).

Отписка же Степана Тарбеева — это компактное сочинение, представляющее собой всего лишь один компонент или эпизод из пребывания в чужих землях, но компонент наиболее литературно совершенный, построенный по определенному канону. Авторы или составители этого эпизода, не затруднившие себя последовательным изложением пути и мытарств подневольного «полоненика» Афанасия Васильева, все же косвенным путем познакомили читателей с его судьбой, сосредоточив основное внимание на чуде, очевидцем которого и делают своего героя.

При переписке этого текста он то попадал в окружение памятников антитурецкого толка, то находил место среди хождений и посольских отписок, а в одном случае (список С) оказался в сельском Требнике второй половины XVII в.²⁷

Челобитная Василия Полозова, несмотря на избранную форму послания царю Феодору Алексеевичу, ближе к обычному типу паломничеств. Здесь вначале содержится сюжетное обоснование посещения героем свя-

насьева, т. II. М., 1938, № 188, стр. 86—87) петуха (кочетка) бросают в воду, в колодезь, в горячую печь прямо в огонь, а он остается целым и верно служит старику со старухой. За указание на сходство мотивов благодарю Л. А. Дмитриева.

²⁷ Не потому ли этот Требник сохранился в конце концов в коллекции Архива Синода, что его последняя глава (статья 62-я) — Отписка Степана Тарбеева, — выпадая из привычного круга статей Требника, могла послужить причиной изъятия книги, как не вполне каноничной. Требник этот, судя по владельческим записям, бытовал в Вологодском уезде, затем еще в XVII в. был в Вологде приобретен священником церкви Благовещения подмосковного села Тайнинского. О составе этого Требника см.: Описание рукописей, хранящихся в архиве св. Синода, т. I. СПб., 1904, стр. 418—423.